

Татьяна Нозадзе

ЗАПРЕТНЫЙ ДИАПАЗОН

НЕЙРОСЕТЕВОЙ РОМАН

18+

Татьяна Нозадзе

**Запретный диапазон.
Нейросетевой роман**

«Автор»

2026

Нозадзе Т.

Запретный диапазон. Нейросетевой роман / Т. Нозадзе —
«Автор», 2026

Она — блестящий кардиохирург. Он — опасный пациент. Их любовь — игра на грани фолла, где ставка — её жизнь. Арина Соколова привыкла держать всё под контролем. Элитная клиника «St. Jude» — её крепость. Но её идеальный мир рушится, когда в VIP-блок под вооруженной охраной доставляют Дмитрия Краснова. Краснов — миллиардер и филантроп, по слухам, стоящий вне закона. Он смертельно болен. Между ними вспыхивает пламя, которое невозможно игнорировать, но каждый шаг к сближению — это нарушение врачебной этики и смертельный риск. Дмитрий скрывает истинную причину своего пребывания в клинике. За ним охотятся безжалостные враги, и Арина, сама того не желая, оказывается втянута в его теневые игры. Но что, если их безумная страсть — лишь часть хитроумного плана, где она — пешка, а финал — непредсказуем? Остросюжетный медицинский триллер с элементами Dark Romance. Написано совместно с нейросетью Gemini. Обложка сгенерирована в ChatGPT.

© Нозадзе Т., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Оглавление	5
Пролог. Время смерти 03:42.	6
Глава 1. Особый пациент.	8
ГЛАВА 2: Нарушение протокола	11
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Татьяна Нозадзе

Запретный диапазон. Нейросетевой роман

Оглавление

Про-	
лог.....	3
Глава 1. Особый пациент.....	5
Глава 2. Нарушение протокола.....	10
Глава 3.....	16
зона.....	16
Глава 4. Игры с огнем.....	22
Глава 5. Тайна диагноза.....	29
Глава 6. Ночь перед приговором.....	35
Глава 7. Время смерти 03:42.....	41
Глава 8. Тень после бури.....	50
Эпилог. Выбор доктора Соколовой.....	53

Пролог. Время смерти 03:42.

Звук кардиомонитора в операционной «St. Jude» — это не просто акустика. Это ритм жизни, замедленный до пределов чей-то судьбы.

Пик... пик... пик...

Стерильный, пронизывающий холод фильтрованного воздуха пропитывал ткань моей хирургической пижамы. В воздухе стоял стойкий, въевшийся в подкорку запах: смесь озона, перекиси водорода, металла и едва уловимого, сладковатого оттенка свежераскрытой грудной клетки. Но поверх всего этого я отчетливо помнила другой аромат — дорогой табак, сандал и горячая кожа, пахнущая диким, необузданным риском.

Запах Дмитрия Краснова.

Пи-и-и-и-и-и-и...

Звуковой сигнал сжался в одну непрерывную, тонкую, ледяную нить.

— Асистолия! — выкрикнула анестезиолог, и ее голос потонул в шуме отсасывателя. — Давление ноль! Пульсация на сонной артерии отсутствует!

— Адреналин, один миллиграмм в/в! — мой голос звучал чужой, отстраненный, словно чей-то чужой магнитофон проигрывал сухие медицинские команды. — Дефибриллятор! Заряд двести!

Я схватила утюжки электродов. Латекс перчаток был скользким от загустевшей бордовой крови. Настоящей, живой крови человека, который ещё две недели назад одним своим взглядом мог заставить мое сердце пропускать удары.

— Разряд!

Его тело на операционном столе вздгнуло под стерильной простыней. Татуировка геометрического волка на левой стороне груди — выгнутая, рассеченная моим собственным свежим хирургическим разрезом — на секунду натянулась.

Ничего. Прямая зеленая линия на мониторе продолжала полосовать тьму.

— Заряд триста пятьдесят! Разряд!

Снова жесткий толчок. Снова этот ужасный запах паленой кожи и антисептика.

— Арина Алексеевна, прошел уже сорок один час с начала вмешательства... тридцать минут прямой реанимации, — мягко, едва слышно произнес второй хирург, касаясь моего локтя. — Мы потеряли его. Пора фиксировать.

— Еще один разряд! — рывкнула я, ощущая, как под пластиковой маской по щекам течет обжигающий, соленый пот. — Я не разрешала ему умирать!

Я положила обе руки, сложенные в замок, прямо на его обнаженную грудь, чувствуя жесткий костный остов и звенящую, противоестественную неподвижность. Внутри меня рушились плотины, которые я строила годами. Синдром гиперответственности? Профессиональная броня? Все это рассыпалось в прах. Он умер прямо под моими пальцами. Человек, который за последние три недели разрушил всю мою правильную, размеренную жизнь — и заново научил меня дышать.

— Арина... — тихий голос ассистента прозвучал как смертный приговор.

Я остановилась. Тяжело дыша, опустила окровавленные руки. Взгляд поднялся к циферблату электронных часов на стене операционной. Красные цифровые сегменты горели беспощадно и четко.

— Зафиксируйте, — голос сорвался на шепот, но я заставила себя выговорить эти слова. — Время смерти: 03:42.

Я повернулась к столу. На меня смотрело застывшее, бледное лицо Дмитрия. Острые скулы, плотно сжатые обескровленные губы и холодные, навсегда закрытые глаза. Он ушел, забрав с собой все мои правила, мою совесть и мое сердце.

И я еще не знала, что это был не конец. Это был только первый ход в его смертельной игре.

Глава 1. Особый пациент.

Воздух в VIP-корпусе клиники «St. Jude» всегда пах одинаково: дорогой полировкой для мебели, озоном из ультрафиолетовых ламп и абсолютной, стерильной безнадежностью. Здесь лечились только те, у кого на счетах лежали суммы с девятью нулями, а в биографиях зияли черные дыры. Это была элитная золотая клетка, где за безупречными белыми фасадами скрывались чужие грехи, сломанные судьбы и маски респектабельности.

Но даже по меркам «St. Jude» сегодняшний гость был из другой галактики.

Я замерла перед зеркалом в ординаторской, поправляя тугую прядь темных волос, собранных в безупречный хирургический узел, и выравнивая воротник белоснежного халата. Под тонкой тканью неприятно, настойчиво пульсировало привычное напряжение в плечах — следствие бессонных ночей и хронического перфекционизма.

Раздался короткий, мягкий стук, и дверь приоткрылась.

— Доктор Соколова, он прибыл, — голос Игоря, старшего смены охраны, прозвучал тихо, но в нем отчетливо слышался металл. — Корпус полностью заблокирован. Посторонних в радиусе трех километров нет. Приказы генерального директора и ваши требования выполнены: палата 704 превращена в автономный бункер. Никакого постороннего персонала.

— Спасибо, Игорь, — кивнула я, стараясь, чтобы голос звучал ровно и холодно. — Я иду.

Путь по длинному, устланному бесшумным ковролином коридору седьмого этажа казался бесконечным. Мои туфли на устойчивом каблуке отстукивали ритм, резонируя с внутренним метрономом тревоги. В кармане халата лежал планшет с историей болезни, но я уже наизусть помнила скупые, подчищенные до зеркального блеска строки: *Краснов Дмитрий Сергеевич. 32 года. Закрытая черепно-мозговая травма в анамнезе, множественные переломы ребер, побочные осложнения после тяжелого переохлаждения.*

Ни слова о реальной причине его появления. Ни слова о том, почему его сопровождал кортеж из бронированных машин без номеров, почему этаж патрулируют бойцы спецназа ФСО, а у дверей палаты дежурят молчаливые люди в штатском с холодными глазами профессиональных киллеров.

Дверь палаты 704 открылась бесшумно, подчиняясь электронной системе доступа. Я шагнула внутрь, затворяя дверь за собой и отрезая себя от внешнего мира.

Первое, что ударило в рецепторы, заставив резче забиться сердце — не привычная больничная хлорка или запах медицинского спирта. Густой, плотный шлейф дорогого табака с нотами горького шоколада, кожи и дорогого элитного парфюма. Краснов плевал на любые больничные протоколы с первой же секунды своего пребывания здесь.

Он сидел на краю широкой кровати, полураздетый, закинув ногу на ногу. Свет панорамных окон, выходящих на ночной город, падал на его профиль, высекая резкие, хищные линии скул, волевой подбородок и темную щетину. Но хуже всего был взгляд. Серые, почти бесцветные, ледяные глаза в упор уставились на меня, когда я переступила порог.

В них не было ни тени страха пациента перед врачом. Было чистое, хищное любопытство охотника, неожиданно обнаружившего в своей ловушке новую жертву. Или же дерзкую добычу, которую хочется попробовать на вкус.

— Доктор Соколова, — его голос оказался ниже, чем я рисовала в воображении. С хрипотцой, от которой по позвоночнику побежала неприятная, горячая волна мурашек. — А я уж грешным делом думал, что в этой стерильной богадельне держат исключительно роботов в белых халатах. А здесь, оказывается, живые люди. По крайней мере, судя по тому, как у вас участился пульс примерно на третьей секунде моего созерцания.

Я замерла, мысленно отвесив себе звонкую пощечину за секундную заминку. Моя профессиональная броня, которую я выстраивала годами после смерти отца, дала трещину от одного этого взгляда.

— Ваша карта говорит о совершенно другом, Дмитрий Сергеевич, — холодно и чеканно произнесла я, делая уверенный шаг вперед и щелкнув выключателем прикроватной лампы, чтобы залить полумрак палаты резким, безжалостным светом. — Здесь черным по белому написано, что вы находитесь на критической грани острого воспалительного процесса в легких и опасного сбоя сердечного ритма. А судя по вашему вальяжному поведению, вы перепутали реанимационный бункер элитной клиники с пятизвездочным курортом. Уберите электронную сигарету. В этом крыле строго запрещено курить, и ваши привилегии здесь не действуют.

Краснов медленно, с демонстративной, издевательской неспешностью поднес устройство к губам, глубоко затянулся и выпустил густое, ароматное облако пара с нотами вишневого табака прямо в мою сторону. Частицы пара затанцевали в лучах лампы.

— А если я откажусь, доктор? — уголки его губ приподнялись в насмешливой, опасной улыбке, обнажая белизну зубов. — Вызовете охрану? Боюсь, мои парни за дверью быстрее выведут отсюда вас, чем тронут меня. Вы же понимаете, кто здесь на самом деле устанавливает правила.

— Ваши парни за дверью подчиняются протоколу безопасности клиники «St. Jude», а не вашим криминальным привычкам, — парировала я, подступая вплотную к кровати так, что между нами почти не осталось пространства. Я смотрела на него сверху вниз, заставляя себя не отводить взгляд. — Вы находитесь под моей личной, персональной ответственностью. Если вы хотите дожить не то что до конца недели, а хотя бы до завтрашнего утра, вы будете дышать тем воздухом, который я разрешу, и делать ровно то, что я вам скажу. Вы меня поняли?

Я резким движением выхватила из его расслабленных пальцев электронную сигарету и швырнула ее на прикроватную тумбочку.

Наши пальцы на долю секунды соприкоснулись.

От его кожи исходил такой жгучий, дикий, обжигающий жар, что мне на секунду показалось, будто меня ударило оголенным проводником тока. Воздух в палате мгновенно сгустился, превращаясь в тягучую, осязаемую субстанцию, пропитанную электричеством.

Дмитрий не отдернул руку. Наоборот — его тяжелый взгляд медленно опустился с моих глаз на мои губы, а затем скользнул ниже, по расстегнутой верхней пуговице моего белого халата, заставляя меня мгновенно почувствовать себя раздетой под этим безжалостным рентгеновским сканированием.

— Дерзкая, — тихо, почти интимно произнес он, подавшись корпусом вперед. Широкие плечи натянули больничную рубашку, и сквозь тонкий светлый хлопок я отчетливо разглядела контуры сложной татуировки на груди — геометрический узор черного волка, чья пасть уходила прямо в область сердца. — Обожаю врачей с характером. Им всегда намного интереснее сдаваться.

— Я не собираюсь вам сдаваться, Краснов, — процедила я сквозь зубы, с огромным трудом удерживая контроль над собственным сбивающимся дыханием. — Я здесь исключительно для того, чтобы вас починить. А теперь ложитесь на спину. Мне нужно провести первичный осмотр и оценить масштаб ваших разрушений.

Он усмехнулся, но на этот раз подчинился, медленно откинувшись назад на высокие подушки.

— Как прикажете, доктор. Почините меня, — проговорил он низким, бархатным баритоном. — Только аккуратнее, пожалуйста. У меня очень хрупкая душевная организация.

Я резко натянула латексные перчатки — сухой, звонкий щелчок резины прозвучал в тишине палаты как выстрел. Сделала еще один шаг ближе, чувствуя, как каждый дюйм пространства между нами наэлектризован до предела, готовый вспыхнуть от малейшей искры.

— Расстегните рубашку, — приказала я, стараясь сделать голос максимально плоским и безэмоциональным, как предписывают медицинские инструкции.

Дмитрий не сводил с меня глаз. Медленно, дразняще расстегнул пуговицы одну за другой, полностью обнажая рельефную, покрытую шрамами грудь. Каждый шрам здесь был молчаливой главой из чужой, опасной книги: багровый след от пулевого ранения на ребрах, рваный рубец от осколка на плече. Но мое внимание снова и снова приковывала татуировка. Линии черного волка казались почти живыми, мерно поднимаясь и опускаясь в такт его дыханию.

Я дрожащими пальцами вытащила из кармана фонендоскоп. Мембрана инструмента была ледяной.

— Будет холодно, — предупредила я, поднося металл к его телу.

— Ваши руки намного холоднее, Арина, — тихо произнес он, вновь нарушая субординацию и произнося мое имя так легко и привычно, будто мы были знакомы целую вечность.

Я прижала холодную мембрану к его левой стороне груди, прямо над сердцем.

Тук-тук... тук-тук...

Ритм был гулким, тяжелым, но стоило мне слегка надавить пальцами на межреберный промежуток, оценивая состояние костного каркаса после переломов, как удары внутри его грудной клетки участились вдвое. *Тук-тук-тук-тук*. Его пульс взлетел мгновенно, словно сорвавшись с цепи.

Я подняла глаза и снова столкнулась с его пронизательным, темным взглядом. Он прекрасно осознавал, что происходит. Знал, что его собственное тело выдает его с потрохами.

— Сердце бьется слишком быстро, — произнесла я, силясь скрыть дрожь в кончиках пальцев. — Выраженная тахикардия. На фоне общего истощения организма это крайне опасно. Вам необходим полный покой.

— Какой к черту покой, доктор Соколова, когда рядом с моим сердцем стоит самая красивая женщина этой клиники? — шепотом парировал Дмитрий.

Его рука молниеносно взметнулась вверх. Прежде чем я успела отпрянуть, его пальцы намертво перехватили мое запястье.

Хватка оказалась железной, непреклонной, но невероятно точной. Он не причинял боли, но оставлял абсолютный ноль шансов вырваться. Его горячие, сухие пальцы обхватили мою руку как тиски, прижимая мембрану фонендоскопа глубже, сильнее к его телу — прямо туда, где под кожей безумно, бешено рокотал этот дикий ритм.

— Пустите меня, Дмитрий, — потребовала я, но в голосе уже не осталось ни грамма прежней стальной уверенности. В нем звенел тонкий, опасный надлом.

— Не пушу, Арина, — его голос превратился в бархатный, обволакивающий шепот, от которого кружилась голова. — Скажи честно... ты ведь тоже чувствуешь это, верно? Все эти стерильные коридоры, ряды охраны, показушные маски на лицах... А здесь, между нами, искрит так сильно, что скоро к чертям сгорит весь этот ваш элитный корпус.

Я смотрела в его серые, омутские глаза и отчетливо понимала: этот человек — абсолютное, чистое зло для моей безупречной репутации, моей выстроенной карьеры и моего хрупкого внутреннего порядка. Он был вне закона, вне морали и вне всякой логики.

Но когда его пальцы медленно скользнули чуть выше по моему запястью, касаясь нежной, ничем не защищенной кожи выше латексной перчатки, я не сделала ни единого шага назад.

Я просто стояла в центре полутемной палаты, впитывая запах вишневого табака и лекарств, и впервые в жизни с ужасом осознавала: моя правильная, предсказуемая жизнь закончилась ровно в ту секунду, когда тяжелая дверь этой палаты за мной закрылась.

ГЛАВА 2: Нарушение протокола

Тишина ночной смены в «St. Jude» всегда давила на барабанные перепонки куда сильнее, чем дневной гул медицинского оборудования. Матовые плафоны потолочных светильников отбрасывали на идеально полированный бежевый пол тусклые блики, а электронные цифровые часы на стене ординаторской бесстрастно отсчитывали секунды: 02:15. Я сидела перед монитором рабочей станции, механически прокручивая результаты утренних лабораторных анализов Дмитрия, хотя цифры давно сливались для меня в единое серое пятно. Мой уставший мозг отчаянно пытался найти медицинскую логику в его кардиограмме, но вместо строчек графиков перед глазами неотступно стоял его пронизывающий, насмешливый взгляд и очертания сложной татуировки черного геометрического волка на груди.

Внезапно резкий, короткий писк на беспроводном пульте дежурного поста заставил меня вздрогнуть всем телом.

Тревога в зоне седьмого этажа. Палата 704.

Я сорвалась с места, едва не опрокинув тяжелую керамическую чашку с остывшим кофе. Жидкая коричневая лужица мгновенно растеклась по пластиковой поверхности столешницы, но мне было абсолютно плевать. Мое сердце дико заколотилось где-то в районе горла — и это был отнюдь не привычный профессиональный страх за стабильность пациента, а то липкое, удушливое предчувствие, которое преследовало меня с самой первой секунды появления Краснова в клинике. Охрана? Наемные киллеры? Или его собственный изношенный, израненный организм решил предать его гораздо раньше, чем это сделают его многочисленные враги из внешнего мира?

Двери просторного лифта открылись бесшумно, выпуская меня в злоеший полумрак. Коридор седьмого этажа был погружен во тьму — автоматическая система безопасности клиники приглушила центральное освещение до тусклых дежурных точек, освещавших путь лишь слабым желтоватым светом. У массивных дверей палаты 704, которые еще несколько часов назад напоминали неприступный подземный бункер, царила странная, звенящая, мертвая пустота.

— Игорь? — тихо позвала я, подходя ближе и вглядываясь в густые тени у поворота.

Ответа не последовало. Только монотонный гул системы вентиляции нарушал эту давящую, злоешую тишину.

На холодном полу прямо у деревянного косяка лежал беспроводной коммуникатор охраны. Тяжелый пластиковый корпус был разбит в мелкую паутину, а встроенный динамик хрипел глухим, неприятным белым шумом. Волоски на затылке мгновенно встали дыбом, а по спине побежали крупные ледяные мурашки. Я инстинктивно поняла, что вызывать подмогу по внутренней рации нельзя; резкий звук тревожной сирены мог спровоцировать тех, кто уже проник внутрь защищенного периметра, на самые страшные и необратимые действия. Дрожаящими от лихорадочного адреналина пальцами я быстро ввела свой личный секретный код доступа на светящейся панели электронного замка. Тяжелая дверь поддалась с мягким шипением и плавно ушла в стену.

— Дмитрий? — шепотом выдохнула я, шагая в кромешный полумрак палаты и инстинктивно пытаясь заслонить собой внутреннее пространство.

Воздух здесь казался раскаленным, сухим и отчаянно спертым. Плотное больничное одеяло было скомкано на полу, сброшенное в каком-то лихорадочном, неистовом порыве. Сам Краснов стоял у огромного панорамного окна, прислонившись широкими, напряженными плечами к холодному стеклу. Его дыхание было тяжелым, хриплым, срывающимся на опасный, свистящий звук. На его обнаженном, покрытом шрамами рельефном торсе крупными каплями

блестел холодный пот, а сильные пальцы в судорожном усилии вцепились в деревянный подоконник так, что костяшки побелели до абсолютной прозрачности.

— Какого чёрта... — процедил он сквозь зубы, прерывисто вдохнув, словно ему катастрофически не хватало кислорода во всем здании. — Ненавижу эти чертовы... стены. Воздуха. Здесь катастрофически мало воздуха.

Я мгновенно оказалась рядом, начисто забыв про любые протоколы безопасности, профессиональную субординацию и голос разума.

— У вас острый приступ удушья, — мой голос сорвался на испуганный шепот, но руки уже действовали автоматически, профессионально и жестко. Я протянула руку и прикоснулась к его обнаженному плечу — кожа была обжигающе горячей, лихорадочной, источающей внутренний жар. — Вы сорвали все датчики мониторинга! Где охрана? Что здесь произошло, Краснов? Отвечайте мне!

Дмитрий резко повернул голову в мою сторону, и в темноте его бесцветные серые глаза сверкнули опасным, безумным, лихорадочным блеском. Он полностью проигнорировал мой вопрос об охране и безопасности. Вместо этого его тяжелая, горячая ладонь внезапно молниеносно перехватила мое запястье, с невыносимой, железной силой притягивая меня гораздо ближе к себе, в эту удушливую зону притяжения.

— Охрана спит. Или мирно отдыхает в соседнем крыле, временно усыпленная моими людьми, — хрипло выдохнул он, глядя на меня снизу вверх, с темным, неистовым вызовом. — Мои парни отлично знают, когда мне действительно нужно побыть наедине с... моим личным лечащим врачом.

— Дмитрий, немедленно отпустите мою руку, мне нужно срочно послушать ваши легкие и измерить уровень сатурации, — попыталась вырваться я, но пальцы Краснова сжались на моем запястье неразрушимым, стальным кольцом.

— Не отпускаю, Арина, — прошептал он прямо мне в губы, обжигая кожу своим ментоловым дыханием с терпким оттенком вишневого табака. Расстояние между нашими лицами сократилось до критической, запретной черты. От него отчетливо пахло озоном ночного мегаполиса, дорогим вишневым табаком и чистейшим, концентрированным адреналином. — Ты ведь прекрасно чувствуешь это, верно? Мой пульс колотится вовсе не от кислородного голодания. Он бешено колотится исключительно от того, что ты стоишь непозволительно близко. И ты дрожишь. И вовсе не от страха перед возможными убийцами или моим сложным диагнозом.

Я задохнулась от возмущения и... от горькой, неоспоримой правды, которая ярким, неконтролируемым пламенем полыхнула у меня внутри. Мое собственное тело предавало меня точно так же, как его изношенный в боях организм. Я физически ощущала каждый глухой удар его сердца сквозь тонкую ткань брюк и обжигающий жар его мощного тела, прижатого к моему белому накрахмаленному халату.

— Вы окончательно сошли с ума, Краснов, — выдохнула я, но в моем голосе больше не осталось ни капли бывшего металла. Звучал лишь отчаянный внутренний надлом. — Если у вас прямо сейчас начнется тяжелый отек легких или внезапный кардиогенный шок, здесь не будет ни единого человека, способного вас реанимировать! Вы играете в самую настоящую русскую рулетку со смертью!

— Жизнь в этой стерильной золотой клетке — сама по себе сплошная азартная игра, доктор Соколова, — его голос стал бархатным, влекущим, заставляющим напрочь забыть про камеры наблюдения, законы внешнего мира и строгую больничную присягу. Его свободная рука медленно поднялась вверх, касаясь кончиками пальцев моей щеки, нежно очерчивая скулу и бережно заправляя выбившуюся из строгого узла прядь темных волос за ухо. Это прикосновение было настолько трепетным, что резким контрастом подчеркивало всю его опасную, хищную сущность. — За мной охотятся профессионалы, для которых стены больницы

— пустой звук. Но знаешь, чего я боялся больше всего на свете, когда ехал сюда под вооруженным конвоем?

— Чего же? — зачарованно, против всякой воли шепотом переспросила я, совершенно не в силах оторвать взгляд от его манящих губ.

— Что моим лечащим врачом окажется какой-нибудь старый, циничный дед-профессор, а не женщина, о чьих карих глазах я думал все три часа сложнейшей операции на ребрах, находясь на самом краю полубреда, — тихо усмехнулся он, хотя в глубине его серых глаз залегла тяжелая, зловещая тень. — Ты стала моим единственным надежным якорем в этом бесконечном аду, Арина. И одновременно — моим самым главным риском.

Он резко качнулся вперед, сокращая последние миллиметры разделявшей нас дистанции, и прежде чем я успела издать хоть единый звук возражения, его губы властно накрыли мои.

Это не был мягкий, терапевтический или осторожный поцелуй. Это был настоящий эмоциональный взрыв. Обжигающий, требовательный, безжалостно смысывающий любые границы между пациентом элитной клиники и опасным преступником, бегущим от собственной тени. Его губы пахли горькой мятой, вишневым табаком и ночной прохладой, а сильные руки со спины резко скользнули на талию, намертво прижимая меня к его мощному, излучающему жар телу.

Я шумно вдохнула этот запретный воздух, чувствуя, как упругий больничный пол полностью уходит из-под ног. Мои собственные ладони сами собой взметнулись вверх, ложась на его широкие плечи, а пальцы инстинктивно впились в жесткие мышцы, ощущая бугорки старых боевых шрамов. Вся профессиональная этика, священные клятвы Гиппократ и безупречная репутация лучшего кардиохирурга «St. Jude» рассыпались в мелкий прах под бешеными ударами его сумасшедшего пульса.

Мы стали настоящими сообщниками в ту самую секунду, когда реальность за тяжелой дверью палаты перестала для нас существовать.

Когда Дмитрий наконец нехотя отстранился, мы оба тяжело, прерывисто дышали, глядя прямо в глаза друг другу в густеющем полумраке палаты как два отчаянных игрока, поставивших на кон абсолютно всё — и сорвавших свой запретный джекпот.

В этот момент, посреди гробовой тишины ночного отделения, где за толстым бронированным стеклом панорамного окна безмолвно сиял огнями спящий мегаполис, я кожей ощутила всю пропасть, над которой мы балансировали. Наш грех не имел срока давности, а запретное притяжение уже пустило корни глубоко в наши души. Дмитрий медленно, словно боясь спугнуть хрупкость момента, провел большим пальцем по моим припухшим от поцелуя губам, оставляя на коже горячий след.

— А теперь... — хрипло произнес он, слегка улыбнувшись разбитыми губами и прислонившись горячим лбом к моему лбу, — послушай мои легкие, доктор. Кажется, сейчас они работают абсолютно идеально.

Я отступила на полшага назад, пытаясь вернуть контроль над своим предательски дрожащим телом и заставить затуманенный разум мыслить рационально. Сердце в груди описывало дикие кульбиты, а в ушах все еще набатом отдавался его неравномерный, бешено учащенный пульс. Палату наполнял сухой запах дорогого парфюма, смешанный с аптечным ароматом антисептиков и тонким шлейфом вишневого табака, который пропитал его одежду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.